

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОРГАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к формированию антропологического смысла органической теории. Анализируются социальные факторы, определяющие антропологический смысл. Автор приходит к следующим выводам: раскрытие тайны образования в социальной природе, получение возможности влиять на образование желательных форм социальной организации и избегать образования нежелательных представляет собой не меньший интерес, чем выработка высоких технологий в медицине и технике.

Теоретические подходы к формированию антропологического смысла

Наличие в современной философии такого направления, как социальная философия, предполагает, с одной стороны, объективацию соответствующей проблемной сферы как системы понятий, с другой стороны, наличие специфического субъекта познания или, что то же са-

мое, философствующего субъекта. Это обстоятельство заставляет вновь обратиться к содержанию понятия антропологический смысл в контексте общей задачи гуманитарного знания и присутствующих процессу гуманитарного познания проблем.

Само философствование, сложный процесс познающего мышления в рамках социальной философии с необходимостью приобретает характер социального

движения и, таким образом, тесно связано на теоретическом уровне с общефилософскими проблемами движения и соотношения единичного и общего.

Вместе с тем тот факт, что *непознанное*, «ученое незнание», хотя и несет в себе существенный признак, определяющий теоретически смысловое единство содержания данного понятия как универсальной проблемной сферы научного познания, на сегодняшний день к созданию универсального языка описания всего многообразия форм сущего и процессов существования не привело. Глубокий скепсис вызывают попытки создать такой язык.

Наблюдение за развитием живой природы в свое время породило множество теорий, объясняющих тайные законы «прирождения». Однако из всего множества объяснений наиболее приемлемой для рациональной природы человека оказалась теория эволюции Ч. Дарвина. Таким образом, термин «эволюция» на долгое время получил вполне конкретное содержание, определенное дарвиновскими теоретическими построениями. До сих пор мир живой природы называют «дарвиновским миром».

С развитием рациональной природы самого человека социальный аспект существования приобрел для него наряду с биологическим аспектом равное, если не большее, значение. Бурное развитие социальных отношений в XX веке, связанное с глубокой интеграцией всех сфер человеческой деятельности, кроме неоспоримых достижений имело и трагический опыт экстраполяции естественнонаучных теорий в область социальных отношений. Именно идеи эволюционного развития, принятые без учета специфических особенностей развития субъекта формы социальной организации, типов подобных субъектов и уровней развития, привели к возникновению теорий расового превосходства, к формированию и укреплению фашистской и коммунистической идеологий. Перед со-

временной наукой стоит задача установить допустимые границы применения данной теории.

После распада Советского Союза и провозглашенной победы идеалов либерализма в качестве «идеологической базы» социального прогресса» становится очевидным, что проблема понимания сущности социального развития в социальной философии не исчерпывается эволюционными представлениями. Не ясно в контексте основных концепций либерализма Гоббса и Локка, какая «форма социальной организации», какой «социальный организм» находится на вершине эволюционного процесса: государство или личность.

Кризис проекта Просвещения, интенсивно обсуждаемый известными представителями политической философии, да и сама роль политической философии в современном мире, явно указывают на отсутствие отдельной теории, объясняющей механизмы образования и развития в социальной природе. Энтони Смит в предисловии к своей книге «Национализм и модернизм», касаясь вопроса общетеоретического осмысления процесса социального развития в аспекте национального развития, отмечает: «Действительно, в конце 1970 — начале 1980-х годов наблюдался интерес к построению теорий и рассмотрению общих проблем, но ... в наши дни наблюдается отход от попыток всеобъемлющего теоретического рассмотрения вопросов наций и национализма»¹.

Формирование общих представлений о возникновении и развитии наций является важной, но не единственной составляющей проблемы социального развития Человечества. Позже мы вернемся к этому вопросу.

Первоочередной задачей, которую необходимо решить для раскрытия антропологического смысла органической теории развития общества, на наш взгляд, является выяснение содержания оснований современного либерального общества.

Не вызывает сомнения тот факт, что среди прочих концептов либерализма одним из главных по праву можно считать органическую теорию развития общества, в рамках которой возникли и формировались основные идеи либерализма, получившие свое развитие в современном западном обществе.

Необходимо сформулировать определенную позицию в отношении органичности социальной природы и процесса образования, поскольку однозначного понимания, что такое органическая теория и что есть само понятие «органическое», до настоящего момента нет. Более того, связывая органическую теорию с марксизмом и его общественно-политическим коллапсом, от нее предлагают отказаться. Что же касается термина «образование», то он приобрел устойчивое социокультурное содержание, определяющее узкоспециальный смысл данного понятия.

Подобное не критическое отношение к социальным теориям, на которые опираются основные конструкции современных социальных отношений западного мира, значительное удаление частных, специальных значений терминов, в том числе и термина «образование», от содержания основных категорий философии, от связи этих категорий с системами понятий специальных наук приводит к негативным последствиям².

На сегодняшний день в социальной философии можно выделить два наиболее общих подхода к исследованию становления идеальной (трансцендентальной) природы³ как таковой — онтологический и трансцендентальный. Оба эти подхода, исходя из общей задачи, выявляют различные сущностные аспекты идеальной (трансцендентальной) природы, тем самым окончательно разрывая проект Просвещения и ввергая «органическое» в стадию «разложения».

Мы придерживаемся тезиса о том, что процесс возникновения и существования идеальной (трансцендентальной) приро-

ды и процесс возникновения и существования идеального (трансцендентального) субъекта подчинены единому образовательному закону. Разворачивание сущности рационализма в пределах трансцендентально-эмпирической сферы бытия как основного признака «сотворенной мыслящей субстанции» коренным образом меняет существенные качества трансцендентального и эмпирического, отражающие онтологическое единство этих двух сфер со сферой трансцендентного⁴.

Именно актуализация способа суждения, трансформации этого способа, все большая его универсализация «опредмечивают» рациональность и вводят рационализм в культуру в качестве объективной характеристики. При этом разрывается внутренняя смысловая ткань содержания живой культуры в угоду содержанию понятия культуры: теперь не культура порождает способ суждения, а способ суждения порождает культуру⁵.

Торжество чистой рациональности и смерть трансцендентального субъекта воспринимаются как утрата этим субъектом универсальности через рациональное удвоение субъективности. Субъект-субъектные отношения ведут субъект к органическому завершению, к полной реализации сущности «трансцендентального единства апперцепций», которая, в свою очередь, лишает субъект субъективности и делает его «объектом» самопознания. Эти отношения, кроме того, ставят точку в диалоге «Я — Иное». Сегодня это положение стало общим местом. Философская рефлексия заменяется рефлексией психологической. Субъект обращается в «Я — *легитимная* форма социальной организации». Сама же философия все более отчетливо приобретает признак политической или социальной.

Смысл трансформации социальной философии заключается в том, что продуктивная способность интеллектуальной природы человека в современном мире используется исключительно в ин-

тересах легитимизированной социальной природы, точнее, в интересах какой-либо легитимной формы социальной природы. Истина сущности человека предполагается скрытой в недрах этой легитимной социальной формы, а не в самом человеке. И якобы только данная социальная форма через свою реакцию позволяет человеку получить представление об этой «легитимной сущности», направляя процесс самопознания исключительно по «пути мнения». Более того, эта форма позволяет или не позволяет человеку *хотеть* получить даже мнимое представление об этой сущности. «Воля и представление» в таком случае теряют для человека смысл дара Божьего и приобретают значение дара общественного. Любовь к мудрости превращается в «любовь к обществу», или, другими словами, в «филополитею».

Именно это обстоятельство требует выяснения качества органичности социальной природы и процесса образования, определения существенного единства проявления образовательного закона в различных интеллектуальных средах, фиксирующих социальность в рамках онтологического и трансцендентального подходов.

В качестве теоретической основы мы рассматриваем системы взглядов И. Канта и Н. Я. Данилевского⁶, которые, кроме того, что представляют собой различные подходы в исследовании становления, образования субъекта, также представляют различные культурные и философские традиции, имеющие противоположенное значение в отношении создания проекта Просвещения.

Важно отметить диалектическую связь теоретических оснований проблемной сферы социальной философии в рамках смыслового противостояния России и Европы. Из всей философии И. Канта интерес представляет наиболее непротиворечивая часть — трансцендентальная эстетика, в которой Кант раскрывает механизм формирования объективным про-

странственно-временным единством бытия (через трансцендентальный априоризм эмпирической формы сущего) субъективного единства понятий пространства и времени как сущности субъекта данной эмпирической формы сущего.

Именно эта часть философии Канта наиболее убедительна в том, что понимание природы категорий пространства и времени лежит в основании понимания природы связи социальной философии и философии как таковой.

Категории «пространство» и «время» давно перешли из сферы общечеловеческого, единого представления о бытии в разряд «тайного», узкоспециального знания. Современная наука подошла к теоретическому пределу. Парадоксальность в понимании, к примеру, одной из вышеперечисленных категорий — времени, — разводит вертикали научного восхождения к вершине знаний, что не только затрудняет использование результатов научной деятельности разных направлений и областей научного поиска, но также создает непреодолимые трудности в достижении гармоничного существования гражданского общества.

В философии Данилевского для определения антропологического смысла органической теории важное значение имеет его теория культурно-исторических типов.

Социальные факторы определения антропологического смысла

Назрела необходимость установления исторически развивающихся детерминационных связей, обуславливающих не только общее очертание, характер, но и направленность теоретических исследований в различных областях науки, затрагивающих различные проблемы, в том числе проблемы пространства и времени. Эта необходимость становится очевидной лишь только в контексте кризиса проекта Просвещения. Парадоксальность современной ситуации, складывающейся как в России, так и в западном мире, по-

своему переживающими этот кризис, а также экономический и социальный рост восточных стран — заставляют еще и еще раз обратиться к фундаментальным основам живой природы и общества или к тому, что принято называть такими основами. При этом невозможно обойти вопрос возникновения наций и их развития.

Ранее мы уже затрагивали эту тему в связи с высказыванием Энтони Смита. Здесь мы коснемся некоторых аспектов национального существования как социальных факторов, имеющих отношение к формированию антропологического смысла органической теории развития общества.

Характерно, что все социальные центробежные процессы сопровождаются всплесками, связанными с национальным вопросом. Отношение к этим явлениям неоднозначное. Как правило, опасность возникновения национализма в политической сфере заставляет рассматривать все социокультурные процессы сквозь призму этого понятия. Ярким примером тому могут служить предвыборные заявления различных политических партий России, претендовавших на места в Государственной Думе 4-го созыва. В этих заявлениях чуть ли не каждая партия обвиняла своих политических противников в национализме. В этом смысле необходимо отметить тот факт, что само содержание понятия «национализм», употребляемое в суждениях о тех или иных социально-политических или культурных процессах и образованиях, не всегда имеет достаточно корректное определение. Подмена понятий, обусловленная различными обстоятельствами, проявляется не только в сфере политики, и не только в России.

Для такой подмены в настоящее время существует весьма прочное основание, и коренится оно в различном качестве социального развития социальных структур.

В формах социальной организации с более сложным устройством, определяе-

мом развитой системой права, практически отождествляются понятия нации и гражданства. Понятие «национализм», таким образом, наполняется социально-правовым смыслом и, как правило, воспринимается в контексте понятия «государственность», объединяя и укрепляя государство как форму социальной организации. Во всяком случае, понятие «американский национализм» не вызывает такого опасения, как еврейский, немецкий или русский.

Понятие нации, наполненное этносоциальным смыслом, несет в себе биологически и исторически сформулированные принципы разъединения, в которых может быть заключена потенция национальной розни в контексте борьбы за существование и самосохранение, а следовательно, потенция конфликта и внутри государства, дробя и ослабляя его.

Очевидно, что в процессе социального развития форм социальной организации содержание понятия нации меняется от этносоциального к социально-правовому. Именно в период смены содержания возникает основание для возможности подмены понятий в различных сферах его применения. Духовное самоопределение народа с необходимостью требует обращения, прежде всего, к национально-культурным истокам, содержащим в себе не только основу духовного существования, но и образ цели. Результаты выборов в Государственную Думу в 2003 году полностью подтверждают этот тезис.

В отечественной философской традиции Н. Я. Данилевский в свое время попытался осмыслить общие законы существования социального организма от личности человека до цивилизации. Его теория культурно-исторических типов не утратила своего значения и в наши дни. В этом смысле необходимо отметить неоправданное стремление значительной части российских гуманитариев в очередной раз «хвататься» за новомодные западные теории, не учитывая собственное научное наследие.

Очевидно, что усиление интереса к теориям национального развития всегда симптоматично. Вместе с тем объективность оценки такой симптоматики остается условной, поскольку характер объективности полностью зависит от природы субъекта, дающего «объективную» оценку. Кроме того, необходимость такой оценки связана с достижением собственных целей субъекта, одной из которых является самосохранение, что в значительной мере уменьшает степень объективности.

Нельзя сказать, что имя Данилевского было забыто вовсе. Однако все исследования как в нашей стране, так и за рубежом носили в основном историко-биографический и социально-политический характер. Необходимо отметить противоречивость этих исследований, связанную с идеологическими ориентациями авторов.

Сейчас, с появлением в России социальной философии (десять лет — срок довольно небольшой), вновь возникает и необходимость, и реальная возможность оценить научный смысл и значение трудов Н. Я. Данилевского. Только теперь, в последние двенадцать лет, вышло два издания книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», которая не переиздавалась с 1895 года. Появились публикации и монографии, посвященные научному творчеству Н. Я. Данилевского.

Изменения качества и структуры общественных отношений в современной России меняют и точку зрения на духовное, социальное и научное наследие. Мы лишний раз убеждаемся в том, что социальная среда, в которой приходится работать ученому, вне зависимости от его желаний выступает в качестве контекста, составляющего, пусть неявное, но все же определение значимости научной деятельности. Это замечание в равной степени относится как к тому ученому, чьи труды исследуются, так и к тому, кто исследует научные достижения своих предшественников в науке. Такое определение актуализируется в сфере нравст-

венного закона или закона существования оценивающего субъекта. Отсюда значение научной деятельности остается в пределах нравственной оценки, в пределах категорий добра и зла, требования и запрета.

Важнейшим социальным фактором, определяющим содержание антропологического смысла органической теории развития общества, является современное состояние мирового научного сообщества. Научно-исследовательский интерес в области национального самосохранения и развития по-разному воспринимается научными и политическими кругами России и Запада. То, что для России является насущной необходимостью, на Западе воспринимается как непосредственная угроза мирному сосуществованию. В интересах политических кругов Запада отклонить любые попытки — в том числе и со стороны научного сообщества — обращения к национальному вопросу.

Сложная структура сферы научной деятельности любого государства содержит в себе существенное противоречие. Характер этого противоречия определяется, с одной стороны, беспристрастным стремлением ученого к поиску истины и признанию результатов научных исследований мировым сообществом ученых; с другой стороны, — противоречие определяется внутренними и внешними политическими интересами власти в использовании результатов научных исследований. Если внутренний интерес власти к собственной научной сфере реализуется через финансирование различных научных проектов с целью использования результатов как во внутренней, так и во внешнеполитической деятельности, то внешнеполитический интерес к научной сфере другого государства во многом несет в себе негативный характер.

Запад не заинтересован в исследованиях российскими учеными проблемы национального, на официальном уровне высказывая справедливые опасения в появлении влиятельных националистиче-

ских политических сил. Кроме официальных предостережений используются и другие, весьма изощренные методы: от установления политического фильтра, не допускающего российских ученых в круг мирового научного сообщества, специфической политики грантовой поддержки российской науки, до использования медиатехнологий, формирующих негативное общественное мнение. Безусловно, чтобы не создавать повода для национальной розни, эти обстоятельства не могут иметь моральной оценки, но лишь служат факторами, которые необходимо учитывать при характеристике социальной среды, оказывающей значительное влияние, в частности, и на российскую науку.

Вместе с тем сформулировать прямой запрет на гуманитарные исследования для России на основании международного права наподобие запрета на исследования в области ядерной физики ученым арабских стран, Северной Кореи и пр., составляющих так называемую «ось зла», не представляется возможным. Россия, в силу выбранного либерального курса, вышла из «сферы зла». Во всяком случае, из той сферы зла, как ее представляют себе на Западе. Тем не менее, становление России как сильного и независимого государства вне роли, отведенной ей Западом, пугает западных политических деятелей. Именно эта настороженность включает механизмы взаимодействия научной и политической сфер Запада, объединяя научные интересы, внутреннюю и внешнюю политику в единую идеологическую конструкцию скрытого противостояния⁷. Это противостояние мало чем похоже на «холодную войну» и носит, скорее, характер экономического противоборства, — того, что на Западе определяется как агональный либерализм.

В самой же России на сегодняшний день отношения между политикой и наукой, как бы ни тяжело было положение науки, не носят жесткого идеологического характера, что позволяет использовать в социальном развитии внутренний ре-

курс и является базой независимого и стабильного социального существования. Есть в таких отношениях и негативная сторона: значительная уязвимость обеих сфер — политики и науки.

Что же касается нравственных категорий, которые ложатся в основание политической оценки состояния той или иной социальной структуры, то необходимо заметить, что природа этих нравственных категорий ограничена исключительно жесткой системой права социальной структуры, ставящей себя на высшую ступень социального прогресса и претендующей, вследствие этого, на роль Нравственного Абсолюта.

Направление социального развития любой иной социальной структуры сводится к направлению собственного социального развития и требованиями самосохранения «Абсолюта». Результат такого сравнения и составляет в случае совпадения или удовлетворения содержание категории добра, а в противном случае — содержание категории зла. Нравственность, таким образом, перестает быть этической категорией и становится категорией политической.

Раскрытие тайны образования в социальной природе, получение возможности влиять на образование желательных форм социальной организации и избегать образования нежелательных — представляет собой не меньший интерес, чем выработка высоких технологий в медицине и технике. Однако каким бы ни был социальный контекст, в конечном итоге все научные открытия, в том числе и в области социальной философии, должны служить Человечеству не как абстрактному понятию, а как сообществу людей. Сообществу, в котором высшей формой социальной организации является личность человека, — «Я — *форма* социальной организации», — сформированная естественно сложившимся гражданским обществом. В этом и состоит антропологический смысл органической теории развития общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 14.

² Полатайко С. В. Образовательные идеалы органической теории развития общества // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. 2004. № 4(7). С. 33–48.

³ Мы намеренно связали в единый контекст понятия «идеальный» и «трансцендентальный», чтобы показать более контрастно проблемную сферу данного исследования.

⁴ См.: Полатайко С. В. Указ. соч. С. 33–48.

⁵ Неорационализм Гастона Башляра в полной мере раскрывает механизмы этого разрыва.

⁶ См.: Полатайко С. В. Указ. соч. С. 33–48.

⁷ Принимая во внимание естественные конкурентные отношения, в рамках которых только и возможен научный прогресс в любом научном сообществе, все же можно привести достаточно примеров, указывающих на специфическое отношение к российским ученым. Показательно в этом смысле высказывание известного современного французского философа Поля Рикера. Отвечая на вопрос О. Мачульской в отношении деятелей современной российской философии, он говорит следующее: «Я должен признаться, что мой личный кругозор ограничен сферой западной культуры. Как и большинство французских философов, я работаю в своего рода треугольнике: немецкие, англосаксонские и французские авторы, иногда — итальянские и испанские; таким образом, мы обрекаем себя на то, что достижения российских мыслителей оказываются на периферии наших интересов. Как и большинство западных интеллектуалов, я знаком прежде всего с произведениями российской художественной литературы» (Рикер П. История и истина / Пер. с фр. СПб., 2002. С. 10). При этом важно учитывать тот факт, что Рикер был приглашен и принимал участие в работе XIX Всемирного философского конгресса, проводимом в Москве (1993 г.). Кроме того, он неоднократно посещал Россию в постперестроечное время. Можно было бы объяснить такое положение российской философии идеологическими причинами. Но и в других областях гуманитарного знания положение не очень сильно отличается от философии. Имя профессора Санкт-Петербургского университета А. И. Зайцева, которого уж точно нельзя заподозрить в идеологической ангажированности, не привлекло внимание западных коллег. Л. Я. Жмудь в предисловии к книге А. И. Зайцева (Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. / Под ред. Л. Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. СПб., 2000. С. 2.) пишет об этом так: «Хотя из намечавшегося итальянского и уже почти готового венгерского переводов ничего не вышло (во втором случае помешала “бархатная революция”, отбившая у венгров интерес к русской науке), в 1993 году в Констанцком университете вышел расширенный немецкий перевод (Zajcev A. Das griechische Wunder. Die Entstehung der griechischen Zivilisation. Konstanz, 1993), сделавший теорию А. И. доступной для зарубежных специалистов. Последние, однако, не спешили подхватить идеи российского профессора: единственная рецензия на немецкое издание написана человеком, не пожелавшим в нем ничего понять, равно как и польская рецензия на русское издание (Guyot P. // Klio. 1996. Bd. 78. S. 232–233; W. L. // Przegląd Historyczny. 1986. T. 77. S. 413–414)».

S. Polataiko

ANTHROPOLOGICAL SENSE OF THE ORGANIC THEORY OF SOCIETY

Various theoretical approaches to the formation of anthropological sense of the organic theory are considered. The social factors determining anthropological content are analyzed. The author comes to the conclusion that disclosing the mystery of formation in social nature, an opportunity to influence formation of desirable forms of social organization and to avoid undesirable formations is of not smaller interest than developing high technologies in medicine and engineering.